Наталья Артюшевская

Из огня да в полымя...

Skleněný mustek
2016

Skleněný můstek s.r.o.
Vítězná 37/58, Karlovy Vary
PSČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛАТОН

ТИМОФЕЙ

АНЮТА

АКСИНЬЯ

МИХАИЛ

ТИМОФЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ

МИШКА

© Наталья Артюшевская 2016
© Skleněný můstek s.r.o. 2016

ISBN 978-80-7534-095-5

ПЛАТОН

Старая лошадь плелась вдоль кромки поля. Вяло скрипела телега не смазанными колесами. Фома сидел впереди хозяина, держа истрепанные вожжи.

– Фом, чего колеса не мазал? Вечор предупреждал, что в поле поедем.

– Прости, барин, запамятовал маль.

– Стань здесь, я выйду, пройдусь.

Фома резко тпрукнул лошади, натянув вожжи.

Платон старчески слез с телеги, зашел в рожь. Пройдя несколько десятков шагов, углубившись среди колосьев, раздвинул их, чтобы увидеть толщину стебля. «Да, хороши сегодня хлеба будут. И стебель толстый и колосья наливаются». Он наклонился к созревающим колосьям, собрав их в охапку, прислонился к ним лицом и глубоко вдохнул в себя их аромат. От радости слегка закружилась голова. Скоро жать будем. Выпрямившись, и еще немного постояв, окинул взглядом рыжее поле ржи. Рожь взволнованно шумела своими колосьями, и легкий ветерок придавал ей не только этот ласковый шум, но и ровные волны, от которых Платон не мог оторвать глаз.

– Поехали в Быковку, на заимку Косарева. Глянем, как у Лексея рожь спеет. Густая ли?

– А в усадьбу его не заглянем? Может свидиться охота?

– Очумел совсем чо ли? Чтоб я к Алексею сам поехал? Не звали. Да и я не зову.

Фома слегка хлестнул лошадь вожжами, крикнув ей: Ноо! – лошадь резко дернула телегу, и не спеша понесла ее по проселочной дороге, пересчитывая все ухабы.

Задолго до этого эти два рода из соседних заволжских деревень стали врагами. Алексей и не знал, из-за чего поссорились их отцы. В народе говорили, что бабу не поделили. Теперь и бабы той уж нет давно. Только вражда осталась между семьями.

У Платона был сын Захар и дочь Нюта, Анна, значит. Сын немного загульный, но рукастый. А Нютка, тоже взрослая, только вот вражда этих двух семей, видно из-за нее теперь и продолжается. «Сколько раз Нютку порол, чтоб не встречалась с Михаем. А она всё к нему тянется» … – сокрушался старый.

Так незаметно, с радостными и тяжелыми мыслями одновременно, Платон на лошади подкатил к заимке Алексея.

– Спрячься под пригорком. Не приведи с Алексеем встретиться. А я пешочком до поля дойду.

Фома дернул за левую половину вожжи, и лошадь послушна повернула.

Платон спешно доковылял до кромки поля. Он был старым умельцем. Давно хлеба сажал. И как только зашел в рожь, углубляясь и пьянясь запахом ржи, забыл, что он давно на чужой заимке. «Не хуже моей стоит, и пырея среди нет. Колос хорош!» – радовался Платон. Радовался он не урожаю Алексея. Он радовался ржи. Перебирая каждый колосок, и поднося его к лицу, не заметил он, как углубился в чужое поле.

– Здорово, Платон! Поглядать приехал? Хороша моя рожь?

– Здорово. А чё не поглядать-то? И моя не хуже.

– Могет, зайдешь в дом-то? Чайку сладим? А то, могет, и покрепче чего-нибудь старуха моя найдет? Где молотить то будешь? А то давай ко мне с Захаром.

– Благодарствую. За пять верст съезжу отмолочу, а тебя миную. А Михаю свому скажи, чтоб к Нютке моей не хаживал. Зараз собак спущу, без штанов домой явится.

– Ну, будь здоров, Платон Васильич! – Алексей откланялся, и гордой походкой среди ржи, направился к дому.

– И тебе не хворать, Алексей Харитоныч! – Платон резко повернулся и быстрым шагом, поправляя штаны, засеменил к обочине.

Он почти бежал, не замечая ржи, уже не внюхая ее запаха.

– Ну, как рожь у соседа? – спросил Фома.

– Хуже моей. Пырей кругом. Колосьи жидкие.

Дома с обедом ждала Агафья. Нютка накрывала на стол, гремя тарелками и ложками. На звон посуды со двора пришел Захар.

– Слышал, батя, как ты приехал. Ну, как рожь?

– Рожь, она как вошь. Где крупна, где мелка. Через неделю жать надо.

– У Косаревых смотрел? – почти прошептала Агафья. – Лучше у них?

– В закромах видно будет, – отрывисто ответил муж, и все смолкли.

Немного остудив разгоряченную душу, Платон призвал сына.

– Где молотить будем, Захар? В Андреевке, у Саватея мельницу сожгли.

– К Косареву бы попросился.

– Не пойду к нему на поклон. А ты, если бы не бездельничал, давно бы свою строить начал. Все как дитя за юбку мамкину держишься да за стакан. Вон Михай, у Косаревых не отходит от мельницы.

– Так им от деда она досталась.

– Досталась. Давно бы рассыпалась если бы не Михай.

Платон на селе был самым богатым. От отца и деда досталось ему большое хозяйство. Да и сам приумножил. Теперь и овец не пересчитать, коров два десятка, пять штук лошадей и дом нечета другим.

– А нам мало досталось? В избе куренной не жил, как другие? Мамалыгу три раза на день не ел? А работать, так нет тебя.

– Дак, я ж, бать, как только скажете, так все и делаю.

– Как я скажу… Да как стакан покажет… – начал выходить из себя отец, покрываясь холодным потом.

– Чо ты к нему привязался? Видишь нога, хромая с детства. Куды ему мельницу строить? – вступилась за сына Агафья.

– Цыц, баба! Не лезь в мужской разговор.

Агафья тут же удалилась во двор. Но, не знавшая о плохом настроении отца, под горячую руку явилась Нютка.

– И ты тоже, хороша! Мне зерно молоть негде, а ты с Михаем шашни водишь. Чтоб ноги его здесь не было! Худо обоим будет!

Нютке этот скандал был на руку. Она знала, что сейчас он выпьет рюмку водки и пойдет спать. Нютка, дождавшись, как отец уляжется, вышла во двор к матери.

– Мамань, сейчас Мишка придет, за амбаром встретимся. Отпусти, а?

– Смотри, дочь, как бы отец не прознал. Лютует.

– Ладно, мам, бог не выдаст – свинья не съест.

– Кто тут бог, а кто свинья?

Но Нютка, пока мать размышляла над поговоркой, была уже на заднем дворе.

Нютка испод тишка выглядывала из-за угла амбара. Негоже ей, девушке приходить на свидание первой. Но пока мать не отказала ей в свидании с Мишкой, ей пришлось прийти раньше Мишки.

Мишке было уже двадцать, он был на два года старше Нютки. Ему каждый раз приходилось ходить из соседней деревни пешком. Каждый день, в одно и тоже время он стоял и терпеливо ждал Нютку возле амбара. Иногда она опаздывала. Но только тогда, когда отец не успел уснуть. Да, когда Захар ходил по двору. Но Мишка понимал и ждал.

У Мишки, наоборот, против их отношений была мать. Ему приходилось говорить, то к друзьям на стан пошел помогать, то на пасеку к соседу Якову. Отец не против Нютки был. Но о свадьбе, ни с той, ни с другой стороны речи и быть не могло. «Потешатся, побалуются, на том и конец», – думали и Мишкин отец и Нюткина мать. Правда, мать Нютку постоянно предупреждала: «Нюта, ни-ни…» Обе женщины знали, что означают эти слова.

На пригорке показалась фигура Мишки. На солнце свети-

лась его копна белокурых волос. «Ой… идет…» – встрепенулось Нюткино сердечко. Она отошла подальше за амбар и стала ждать, когда Мишка подойдет к амбару и тихонько покашляет.

Нютка поправила на себе льняную юбку, выправила испод платка челку, прислонилась к стене амбара и закинула вверх голову. Небо было сине-голубым, изредка в высоте порхали сороки. Во дворе перед дойкой мычали коровы. Но, когда они стихали, был слышен шелест сухой травы. И, вот, среди этого шелеста Нютка услышала шаги приближающегося Мишки… Нет, она уверена, что это он. Она никогда их ни с чьими не перепутает! Мишка осторожно покашлял. Нютка вышла навстречу.

– Ждала?

– Конечно.

– Батя спит?

– Сначала лютовал. Сейчас угомонился, стало быть.

Мишка был переполнен нежностью к Нютке. Ему хотелось ее обнять, но он не смел. Нютке тоже хотелось хотя бы немного приблизиться к нему.

– Бежим к Воложке?

Они взялись за руки и в обход дома побежали к речке. Они были счастливы друг от друга! Под ногами путалась сухая, выгоревшая от жаркого солнца трава. Они не выбирали тропинок, бежали напролом, экономя время и, скрываясь от односельчан. На Воложке у них было свое место. На берегу лежали два потопленных весенними паводками дерева. Два старых, черных бревна, смытых когда-то прибывающей по весне водой, лежали напротив друг друга. Только громадные корни лежали на берегу, как бы цепляясь за жизнь, в надежде со временем подняться. Кроны их давно были среди воды, от чего и почернели.

Мишка каждый раз приподнимал Нютку, усаживал ее на бревно березы, которое она когда-то выбрала, потом сам забирался на противоположное. Каждый раз они сидели напротив друг друга, опустив ноги в быструю реку. Они сначала били ногами по воде, создавая зернистые брызги и окатывая ими друг друга. Громко смеялись, и смех их разносился по всей реке.

Потом, успокоившись, протягивали к друг другу ноги, переплетая их в воде и смотря друг другу в глаза. Там Нютка всегда снимала свой платок. Расплетала свою темно-каштановую косу, распускала волосы, и становилась похожей на русалку.

– Нюся, мне так хорошо с тобой…

– И мне, Миша.

Возвращаясь домой, Нютке доставалось от отца и брата. Первый вопрос, который задавал отец, был всегда одинаков: «Где шлялась, гулена?» И ответ Нютки тоже был один и тот же: «С девчатами на завалинке у деда Игнатия песни пели».

– Смотри, допоешься, стало быть…Убью, если узнаю…

– А кто на речке хохотом заливался? – ехидно вставлял свое слово Захар…

– Мало ли кто…

– Завтра из дома ни шагу. Матери со скотиной помогёшь, а мы с Захаром в поле жать едем. А ты, Захар, предупреди всех работников, да Фоме скажи, чтоб телегу смазал. Агафья, готовь харчи.

– Не первый год за тобой хожу, все сделаю.

«Ори, не ори, отец, а к амбару сбегать успею, Мишку предупрежу. Они тоже, наверное, жатву начнут», – подумала Нютка сквозь указы отца.

Несколько раз бегала Нютка к амбару, но Мишка так и не пришел.

ТИМОФЕЙ

Первым с фронта пришел старший сын Алексея Тимофей. Зайдя во двор родного дома, он присел на крыльцо, сложив рядом костыли. Закурил самокрутку, сделав несколько затяжек, оторвал размокший ее конец и опять затянулся. «Живы ли… Три года не видел и не слышал о них ничего», – подумал он. Поднял голову кверху, посмотрел на самую дальнюю черту между небом и степью, где увядала заря. В курятнике закричал петух, рассказывая, что и этому дню наступает конец. «Как жить мне теперь безногому, теперь Марии своей не сгожусь. А может, и не ждала она меня…Может, замуж вышла за эти три года?» – его мысли прервались скрипнувшей дверью. Он оглянулся. На крыльце стояла мать. Тимофей отвернулся, как бы стесняясь показаться матери безногим.

– Что надобно тебе, служивый? – спросила Аксинья, не узнав сына. За долгую дорогу к дому, Тимофей оброс. Щетина у тридцатилетнего молодого мужика отросла в бороду. Тимофей скинул с плеч надоевший рюкзак, оперся на костыли встал в полный рост и повернулся к матери.

– Тимошенька, родимый… Мать спустилась на нижнюю ступеньку, обхватив сына за плечи, стала его целовать, громко причитая: Живой…живехонький, родненький мой….

Накрыв на скорую руку стол, не сводила глаз с сына. Тимофей тоже смотрел на мать не моргая, радуясь встрече. «Все такая же, только морщины да седина за эти годы прибавились. Тот же платок, та же юбка и передник», – заметил про себя Тимофей.

– Как отец, как Мишка?

– Помер отец наш еще по прошлому году. Мишка воюет. Тоже ни слуху, ни духу. Только и смотрю на пригорок, а вдруг кто-то из вас появится.

– Как же ты управляешься?

– С чем теперь управляться? Все равно все забирают. Корова осталась, да курей десяток. Продразверстка, говорят. Все на фронт, все для победы над германцем. Да и мне так много не надо. Работников всех распустили еще при отце живом.

– Ладно, мать, не горюй. Заживем пуще прежнего. Вот только… – Тимофей посмотрел на свою культю. А Мишка придет, сподручней будет. Мельница-то жива?

-Жива, стоит, кряхтит да поскрипывает жерновами от ветра. Молоть-то некому стало: в деревне одни старики, бабы да дети малые. Всех забрали на фронт.

– Скоро все возвернутся. Конец войне. Будем Мишку ждать, а я завтра забор поправлю, руки-то, мать, целые у меня! Мироедовы-то как выживают? Все ли живы?

– Платон с Агафьей кряхтят потихоньку, Нютка, поговаривают, замуж вышла в соседнюю Андреевку, а Захар прошлой зимой пьяным замерз. А в остальном также, как и у нас. Правда, Платон работников еще держит. Сеет. Молоть к немцу в колонки ездит, и то только для себя. Теперь уж и продавать купцам страшно. Да, и они наперечет.

– Мария-то замуж не вышла?

– Видала намедни, говорит Тимофея ждать буду. Так-то вот.

– Ну, да…Только на кой ляд я ей теперь нужен?

– Ладно, пойду корову подою, да спать будем. На небе звезды уж.

Мать ушла в коровник, а Тимофей сел на крыльцо, закурил и стал смотреть на звездное небо, словно там и искал ответа: как жить дальше…

Не успели петухи пропеть свой утренний гимн, как Тимофей был уже на ногах. Вернее, на ноге и костылях. Умылся на улице из бочки, попил парного молока с горбушкой только что испеченного за ночь в русской печи хлеба, взялся за работу.

Всю войну он думал о Маше. Даже когда стрелял по врагу, пришептывая при этом: Вот вам, сволочи, чтобы вы во веки веков не достали мою любимую! Чтоб вы здесь все полегли! Он все время вспоминал их встречи. А потом – как отрезало. Вместе с оторванной ногой.

Его мысли и работу прервала соседка Марфа.

– Здорово почивали, соседушки!

– Да неплохо. Здравствуйте, тетка Марфа.

– Робишь, зараз, значит?

– Мне в радость в своем доме робить. Руки-то есть, правда, одна из них плохая помощница, костыль ей приходится держать. На днях хочу ногу себе из бревна сострогать, да ремнями приладить, все легче стоять будет, и рука высвободится.

– Упорный ты Тимофей. Лишь бы Мишка целым вернулся.

– Вернется.

– Да жениться бы вам обоим.

– Да куда уж мне…А Мишку женим, как придет.

– Только невеста его с другим свенчалась. Вот гулена-то была! Не зря Платон Васильич порол ее. Правда, видать зря, раз Мишку-то не дождалась. А твоя-то невеста, ни разу нос свой со двора не высунула. Сходил бы к ней.

– Нет, тетка Марфа. Вернулся бы целым, не пошел, а побежал бы. А теперь нет.

– Кстись, Тимофеюшка! У многих мужья калеками вернулись, так чё теперь выгонять их за это чо ли?

– Вот чтобы выгонять меня не пришлось, принимать меня не стоит. Так бобылем с матушкой жить и буду.

– Не прав ты, Тимофей. Бабе душа любящая нужна, а не ноги.

– Могет и так быть, да я не готов.

Услышав голоса, с огорода вернулась Аксинья, несла в руках ведро картошки.

– Вот, накопала на пробу. Хороша, пора бы всю выкопать.

Тетка Марфа глянула на картошку:

– Нет, Аксинья, пусть еще посидит в темнице, лучше лежать в погребе будет, – уходя промолвила дотошная Марфа.

– С чем-Марфа-то приходила? Чай на тебя посмотреть?

– Да, я теперь интерес для всех представляю. Один интерес – не более. Даже картошку копать не могу. Ну, ничего, мать, найду сухое, подходящее бревно, сделаю я себе ногу.

Тимофей днем помогал матери чем мог, а по ночам, тайком от матери строгал себе деревянную ногу. Отшлифовал ее, пригвоздил старые ремни. На нижней части деревянной конечности прибил старую подметку. Подвернул под свое колено штанину брюк, укрепил ремни на ноге выше колена и явился однажды утром на кухню с самодельным протезом.

Аксинья, завидев сына без костылей, разрыдалась.

– Не реви, мать, новая все равно не вырастет, а жить как-то надо.

«Захар, хромый с детства, спился. А мой – молодец, за жизнь борется, воюет с недугом, и без дела не сидит», – подумала Аксинья и успокоилась.

На Медовый Спас в дверь постучали. Тимофей крикнул: «Открыто»! Но он все-таки пошел к двери. Отворив ее, чуть не обомлел, увидев на крыльце с банкой меда в руках, Машу. Он не кинулся к ней, хотя так хотелось ее обнять. Он сдержанно поздоровался и пригласил в дом. Маша тоже сдержалась, видя, что Тимофей не проявил к ней радости. Они долго сидели на кухне, о чем-то говорили, а Агафья, не мешая им, вязала в горнице носок. Вязала ли? Руки ее тряслись так, что спицы звякали, не попадая в петли. Она несколько раз прочитала Отче Наш, попросила у Господа прощенья, хоть и виноватой не была в несчастной судьбе сына. Но она знала, за что просила прощение у Бога. «Прости меня, милостивый Господь наш за то, что я была против невесты раба божьего Михаила. Прости меня, прости и пошли радости рабу Божьему Тимофею. Не отведи, Господи, от него невесту».

Осень выдалась теплым сухим бабьим летом. Тихо кружила пожелтевшая листва с деревьев. На остове ворот пристроилась и без умолку трещала сорока. Пес радостно лаял и вилял хвостом. К дому подходил Михаил.

– Чево растрещалась, белобока? Сам скажу, что пришел. Сорока, словно поняв подходящего к воротам Мишку, замолкла,

потрясла хвостом, вспорхнула и улетела. Только Дозор визжал от радости все громче.

– Что признал? – Мишка подошел к будке, присел на колени, потрепал по морде пса и, скинув с плеч рюкзак, присел на ступеньку. Его взяла оторопь. Не мог он зайти в дом. Боялся, что кого-то за эти годы нет в живых.

Услышав лай собаки, на крыльцо вышла Аксинья. Завидев солдатика, она поняла, что это Мишка вернулся с войны. Ее тоже взяла оторопь. Она зажмурила глаза, закричала. Ноги ее подкосились, и она села, прислонив спину к стене.

– Мамань, ты чего? Это я, Мишка.

Он встал перед ней во весь свой рост. Та же копна белокурых, но отросших волос, те же веселые голубые глаза. Надетая в рукава шинель, придавала Михаилу мужество и величие. Аксинья приоткрыла осторожно глаза, увидев Мишку целым и на своих ногах, кинулась к нему навстречу. Как она боялась увидеть костыли!

– Мишенька, живой… здоровый! Она ощупала его руками, потрепала его кучерявые волосы, и, убедившись, что руки и ноги целы, завыла от счастья на весь двор. На крик спеша, что было сил, прихромал Тимофей.

– Мишаня, братуха, отвоевал, родимый!

– Отвоевал, успокойтесь. Жрать хочу!

По очереди все зашли в дом. Мать, собирая на стол, продолжала то плакать, то смеяться.

Мишка, узнав, что отца больше нет, помолчал вместе со всеми. Аксинья поставила на стол бутылку самогона, купленную у Марфы. Выпили за упокой души раба Божьего Алексея. Потом Мишка долго рассказывал про службу, про госпиталь. Мать ушла к себе, а два брата говорили о войне до утра. Говорили наперебой, задавая друг другу вопросы. К утру, уставшие оба от рассказов, улеглись в горнице, кто на чем. Но, главное, что они оба дошли до родного дома, что жива мать, а хозяйство поставим, – решили они и заснули крепким сном.

Мать спала плохо. Она чувствовала себя виноватой перед младшим сыном. Как сказать ему про Нютку? Как он справится с этим? Вот старший пришел без ноги. Невеста не отказалась от него. А младшего и ждать не захотела. «Это я виновата. Но и Платон тоже. А дети наши не при чем тут… И девочка у Нютки хорошенькая родилась». Аксинья заблудилась в своих размышлениях, мысли начали путаться в ее голове, и она заснула.

На Казанскую Тимофей и Мария обвенчались. Был уже ноябрь, гостей было немного, все разместились в доме, но и на улице было не холодно, поэтому, подвыпив, одев фуфайки, вскоре все перекочевали во двор. Муж Марфы, Трофим играл на гармони, все пели, плясали, радовались за молодых. Мишка тоже был рад за счастье брата. Только вот его собственное счастье ушло.